

The book cover features a dark, swirling vortex of blue and white lines in the center, resembling a storm or a whirlwind. Numerous white, torn pieces of paper are scattered throughout the scene, some appearing to be caught in the vortex. At the bottom, several blue-tinted hands are raised, reaching towards the center. The overall color palette is dark with shades of blue and white.

Елена Булганова

ВЕЧНИКИ

КНИГА
ВОЗДУХА

Елена Булганова
Вечники. Книга воздуха

«Автор»

2023

Булганова Е. Д.

Вечники. Книга воздуха / Е. Д. Булганова — «Автор», 2023

Продолжение трилогии «Вечники». После тех событий прошло два года. Лида Весна по воле Призрачных Судей забыла почти год своей жизни. Она считает себя обыкновенной девушкой, учится в университете и тайно влюблена в харизматичного профессора Гольдмана. Но вот ей исполняется восемнадцать, и в этот день профессор оказывается не только старым другом, но и вечником. Лида заново узнает свою удивительную историю. Но прошлое настигает девушку. Уже ночью у дома Лиды появляется вечник, который называет себя Диббук – он желает завладеть пресловутой Книгой талантов. Той самой, которую унесли в прошлое Анна и Марат. Если Весна не раздобудет ее, то под ударом окажутся все, кто ей дорог. От Лазаря Лида узнает, что прошлое уже наступило, и ребята живут сейчас в том же времени, что и они. Но встреча проблематична – Анна и Марат обитают в шаговой реальности, открытой Валерием Бельским. Правда, у Лазаря есть план, и он связан с тайной Человека в железной маске, заключенного в Бастилию при Людовике XIV...

© Булганова Е. Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Неловкое предложение | 5 |
| Глава 2. День рождения Лиды Весны | 10 |
| Глава 3. Забытое | 16 |
| Глава 4. Диббук | 21 |
| Глава 5. Тайные козыри | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

Елена Булганова

Вечники. Книга воздуха

Глава 1. Неловкое предложение

За сутки до своего восемнадцатого дня рождения Лида Весна проснулась с непривычным ощущением в груди: сердце колотилось тревожно, но радостно, словно беззаботная детсадовка подпрыгивала высоко в предвкушении долгожданного сюрприза. Девушка зажгла лампу на тумбочке у кровати, села и уткнулась лицом в колени. Она была обескуражена, потому что, хоть убей, не находила достаточных причин для таких сердечных вывертов.

Дни рождения никогда не вызывали у Лиды сильных эмоций – приходят и уходят, подумаешь, праздник. Смысла в нем особого нет, но в последнюю пару лет в их доме по этому поводу развелось слишком много суеты. Раньше, пока мама болела и почти не вставала с постели, Лида любых праздников (а уж этого особенно) ожидала с тоскливым раздражением: ну к чему маме лишнее напоминание о том, что она не в силах накрыть праздничный стол, самолично купить дочери подарок? Материнские утренние виноватые объятия, нарочитая веселость, попытки всучить какие-то деньги в разрисованном от руки конвертике становились для именинницы настоящим испытанием на крепость.

Но теперь Вера твердо стояла на ногах и изо всех сил старалась наверстать те праздничные хлопоты, что прежде по уважительной причине прошли мимо нее. Девушка радовалась за мать, но опасалась растущей грандиозности ее планов. И перед каждым «днем варенья» традиционно запасалась терпением и выдержкой.

И все-таки сегодня что-то шло не так, не по привычной схеме. Как будто подошел срок сверхважного события в жизни, вот только она никак не припомнит, какого именно. Неужели мама с ее непрерывным рефреном последних месяцев «В жизни раз бывает восемнадцать лет» что-то все же расколупала в душе?

Лида спрыгнула с кровати, босиком по крашеным доскам прошлепала к двери комнаты, открыла и прислушалась: на первом этаже дома со стороны их крохотной кухоньки непрерывно что-то позвякивало, постукивало, слышались приглушенные голоса, пахло луковой поджаркой и свежей выпечкой. Девушка накинула халат, пятерней причесала волосы и с заранее протестующим видом поскакала вниз по скрипучей деревянной лестнице.

Конечно же, у кухонного стола уже суетились мама и отчим, такое впечатление, что и не ложились вовсе. Юрий Борисович стремительно и очень тонко – хирург, этим все сказано! – нарезал кольцами лук, а Вера исследовала тарелку с холодцом, поворачивала ее так и этак с пугливым выражением на лице.

– Доброе утро! – с порога объявила Лида, когда поняла, что ее не скоро обнаружат, уж слишком заняты. – Мам, ну сколько можно готовить, вы тут безвылазно уже несколько дней! Договорились ведь, что сегодня будете отдыхать!

Вера Весна обернулась – и ее лицо расцвело, озарилось счастливейшей из улыбок. Иногда Лиде казалось, что мать выглядит моложе ее самой.

– С добрым утром, дочка!

Доктор Ворк, не прерывая занятия, улыбался одними глазами. Он еще не вполне освоился в роли отца семейства, но очень старался.

– Твоей маме среди ночи припомнился один замечательный рецепт паштета. Сейчас покончим с ним и поедем в Петергоф, любоваться фонтанами и бросать камешки в Финский залив, как и собирались. Все по плану, Лид.

– Ага, здорово, – нахмурилась девушка. Ну вот, даже пошуметь ей не дали, а так хотелось скинуть напряжение. – И хватит уже готовить, какой еще паштет, и так еды на целый полк! А будем всего-то мы втроем, плюс Милка с Лешей.

– И ребяташки еще, – напомнила мама о приемных брате и сестре Алексея, семилетних Павлике и Устише.

– Ну да. Только они и так закармливаемые, больше будут по саду носиться, чем за столом торчать.

И вот тут Лиде удалось поймать за хвост ту назойливую, беспокойную мыслишку, которая, видать, еще ночью каким-то хитрым образом прошмыгнула в ее голову. А ведь запрещала себе думать об этом, бред же полный, ничего не выйдет! Девушка несколько раз глубоко вздохнула, стараясь, чтобы голос ее не выдал. И уронила так равнодушно, как только смогла:

– Хотя, я тут подумала... может, приглашу кое-кого из универа, вы же не будете против?

– Кого, например? – тут же спросила Вера, и почему-то послала мужу через плечо выразительный взгляд.

Лида удивилась – ей казалось, мама должна только радоваться, что дочь помаленьку обрастает друзьями и приятелями по месту учебы. Прежде девушка была лишена этой роскоши, до десятого класса дожила без единого друга.

– Ну... просто кой-кого с нашего курса.

– Девочку? Мальчика? Мы и не знали, что ты с кем-то подружилась, Лидунь, ты не делилась.

А вот это уже подозрительно смахивало на допрос!

– Мам, если это почему-то неудобно, так и скажи, ладно?!

– Ну что ты, что ты, Лидочка, – замахала на нее руками Вера. – Просто немного неожиданно, новый человек... Но ты, конечно, вольна приглашать, кого пожелаешь. Мы только рады будем!

– Хотя весь курс привози, устроим пикник в саду, – прибавил доктор, улыбнулся добродушно. – Погода хорошая, все просохло, так что без проблем. Начинать выносить столы?

Весна яростно замотала головой. Вот умеют же родители любую вещь враз довести до абсурда!

– Весь курс точно не приглашу. Может – даже скорее всего – никого вообще. Но, если что, то я предупредила, ага?

– Мы готовы ко всему! – заверила ее Вера, в подтверждение слов стукнула себе маленьким крепким кулачком в грудь. – И лучше поторопись на электричку, а то попадешь под перерыв, опоздаешь на эту свою консультацию.

Похоже, ни в какую консультацию в выходной день мать не верила, а считала, что дочь таким образом норовит смыться от предпраздничной суеты.

– Точно! – ахнула девушка, кинула взгляд на настенные часы – и галопом помчалась в ванную.

И за завтраком, и в электричке по пути в университет она обдумывала весьма смелую идею: позвать на свой день рождения университетского преподавателя античной и мировой истории профессора Гольдмана. Взвешивала аргументы за и против: он приглашенный преподаватель и проживает сейчас в чужой стране, по слухам, в совершенном одиночестве. Наверняка питается в ресторанах и кафешках – Лида случайно увидела его однажды на Невском с шаурмой в руке. И выглядит подчас таким одиноким и заброшенным, особенно когда во время лекции вдруг задумается о чем-то, отойдет к окну и подолгу смотрит на Неву.

Конечно, от приглашения он откажется, наверняка даже будет шокирован. Она ведь его студентка, хорошо хоть успешная, так что попыткой задобрить профессора в преддверии сессии это выгладеть не будет. Но она все равно пригласит, а там будь что будет. Иначе промучается упущенной возможностью целый год.

Пошло и глупо влюбиться в преподавателя, и Лида до сих пор не понимала, как смогла угодить в эту ловушку. Но с первой же лекции профессора Гольдмана на первом курсе Весна точно знала: он важен для нее. Будто протянулась незримая нить, связала прочно, не разорвать.

За этими беспокойными думами Лида даже не успела заметить, как потеплело на улице. Весна была поздняя в этом году, сухая, но прохладная, по ночам случались заморозки до первых дней мая. Еще вчера, опаздывая на электричку, она скользила по хрусткому ледяному узору на прошлогодней траве. А теперь солнце жарило так, что от земли валил пар.

«Если так пойдет, в самом деле можно будет устраивать праздник в саду», – рассеянно подумала девушка и почему-то вконец расстроилась. Жаль все-таки, что подруга Мила сегодня не составит ей компанию по пути в Питер...

Последнюю консультацию по истории вставили в расписание на воскресенье – день рождения Лиды был девятого мая, в понедельник – по той причине, что у профессора Гольдмана выпадали на начало недели какие-то личные дела. Возможно, собирался слетать в Америку на презентацию своей очередной книги.

Консультация предназначалась для неуверенных в своих силах, о ней слезно умоляли некоторые студенты. Лида, понятное дело, пропускать ее тоже не собиралась, хотя предвидела удивленные взгляды, а то и вопросы однокурсников. Впрочем, большинство ребят на курсе сторонились ее по необъяснимой причине, а Весна к подобному давно привыкла, с детства еще. Всегда была изгоем, сколько себя помнила. Необъяснимая неприязнь за давностью лет перестала волновать, лишь бы эта напасть не расплзлась и на педагогов, еще станут на экзаменах валить. Но университетские преподаватели были крепкими орешками, мнение об учащих составляли не по первому впечатлению и к Лиде относились равно.

В аудитории к ее приходу собралось человек десять со всего курса, в основном тихие пугливые студенты из тех, кто до последнего ищет совета и подсказок преподавателя. Испуганными мышками они шуршали страницами конспектов, их приоткрытые рты и пустые взгляды выдавали крайнюю степень нервозности. Лида же все сорок билетов давно выучила назубок, дополнительная литература – и дополнительная к дополнительной тоже – была ею тщательно изучена и законспектирована. До прихода преподавателя девушка забралась на самый верх, где стулья неудобно упирались спинками в стену, а край стола хищно впивался в живот. И затихла там, стараясь ни одним движением себя не обнаружить.

Профессор Гольдман возник в дверях аудитории стремительно, привычно пригибаясь, чтобы не задеть макушкой притолоку. Он был, как и всегда, исполнен молодой кипучей энергией и едва ли озаботился по пути сюда пригладить гриву темно-рыжих волос, чуть тронутых на висках и над высоким лбом сединой. Всякий раз, увидев его после некоторого перерыва, Лида внутренне цепенела от изумления: да неужели ему в самом деле уже за пятьдесят? Он кажется совсем молодым, словно артист в театре, играющий возрастную роль. Но универ – не театр, а профессор знает столько, сколько и за сто лет человеку немислимо уложить ровными рядами в голову. А иногда так рассказывает о событиях многовековой давности, словно лично в них поучаствовал. Плюс к тому десятки написанных им книг, сотни статей, монографий, громкие академические титулы...

За раздумьями девушка не заметила, как пролетела консультация, постепенно рассеялись те, кто толпился с вопросами вокруг преподавательского стола. Профессор был хоть и иностранцем, но среди студентов считался своим в доску, никому не отказывал в подробной и доброжелательной беседе. Вдруг Лида с обрывающимся сердцем обнаружила, что осталась в аудитории последней студенткой, а профессор Гольдман стоит на своем любимом месте у окна, но смотрит не на янтарные под солнцем воды Невы, а на нее – и смотрит вопросительно. Тогда она встала и пошла к нему на негнущихся ногах, нелепо шаркая. Профессор заговорил первым, наверняка понял, в каком девушка замешательстве.

– Не ожидал увидеть вас на своей консультации, Лида, – сказал с едва уловимым акцентом. – Мне казалось, что в пространстве моего предмета вы ощущаете себя очень уверенно.

– Да, пожалуй, – не стала отрицать очевидного Весна. – Но я вообще-то не только из-за консультации... я и по другому вопросу.

– Ну так выкладывайте ваш вопрос, если он ко мне, – широко улыбнулся профессор. Но почему ей кажется, что он тоже взволнован?

– К вам. Это скорее даже предложение...

Она набрала в грудь побольше воздуха – и словно с обрыва ринулась в пучину морскую:

– Профессор, вы когда-нибудь бывали в Гатчине? Ну, это маленький городок под Питером. Резиденция русских царей и все такое.

– Бывал, Лида, – спокойно ответил историк, несколько выбив этим ее из седла – она-то была уверена, что нет.

– Вот как, бывали, значит... наверное, во дворце и парке, куда всех туристов водят?

– Конечно.

– А хотели бы, может, побывать еще разок? Не совсем в городе, скорее, в поселке рядом с ним, но тоже очень древнем. В обычном старом доме, посмотреть, как живут простые люди...

Осознав, что несет полную чушь, Лида хотела заткнуться. Но нет, лучше уж закончить. Выложить все до конца, получить отказ и убежать.

– В общем, у меня завтра день рождения, и я вас приглашаю! Конечно, ничего особенного, но моя мама отлично готовит. Может, вам было бы интересно взглянуть, как живет обычная семья в России. И погулять по парку, по таким местам, куда туристов не водят – но весной там обалденно красиво.

Профессор смотрел на нее все с той же спокойной полуулыбкой, но теперь к ней добавилась тень смущения – и Лида огорчилась едва ли не до слез. Конечно же, деликатный историк сейчас мысленно страдает и не знает, как от нее отвязаться. В него ведь и так влюблена половина студенток, не считая преподавательского состава. А тут на тебе: нашлась нахалка, которая зовет домой вроде бы под благовидным предлогом, и не пошлешь так сразу подальше.

Осознав все это, девушка вжала голову в плечи и побрела к выходу из аудитории.

«Плевать. Переведусь в другой вуз. Будет зато мне на будущее урок».

– Лида! – окликнул ее профессор Гольдман и голос его звучал удивленно. Весна и не подумала остановиться. Однако у самой спасительной двери ее взгляд уперся в модные ботинки профессора, успевшего ее опередить и загородить проход. Пришлось застыть на месте, все так же не отрывая глаз от пола.

– Давайте вот как поступим, – зазвучал над головой невозмутимый голос. – По стечению обстоятельств завтра я буду именно в вашем городе, встречаюсь со старыми друзьями. А если вы, Лида, напишете свой адрес и сообщите время праздника, я попробую подстроить свои планы и отвезти стряпни вашей уважаемой матушки. Согласны?

Она как-то исхитрилась кивнуть. Откуда-то в руках появился развернутый на чистой странице блокнот, девушка вписала требуемое, едва понимая, что делает и зачем.

А уже в дверях аудитории обернулась – и сердце оборвалось. Профессор смотрел ей вслед, и было в его глазах что-то... нет, ничего недостойного и двусмысленного, одернула себя девушка. Просто необъяснимая нежность. Он смотрел так, будто она была его любимой сестрой, а то и дочкой, о которой он привык заботиться, ревниво замечать каждую перемену в ее настроении. А еще была в его взгляде грусть, словно они не поняли друг друга и расстались не на должной ноте.

Лида не помнила толком, как покинула университетское здание, как оказалась на бурлящем толпами Невском. Мать еще неделю назад подсунула ей денег, велела пройтись по магазинам и купить на праздник сногшибательный наряд. Весна, как всегда, затянула до послед-

него, вот сегодня попыталась, но какое там! В пару магазинов она действительно зашла, но даже не запомнила толком, что выбирала и брала на примерку. Плюнула на все и поехала домой.

Одно было абсолютно ясно: она сделала все возможное, чтобы превратить свой день рождения в сущий ад. Не появится профессор – ей будет плохо, придет – еще хуже, потому что она его на это вынудила своим неумением держать лицо. Ради друзей и родителей придется сохранять бодро-веселый вид, а достойно притворяться она никогда не умела. Мама и чуткая Милка ее расколуют на раз. Оставалось лишь принять весь ужас содеянного и постараться не портить веселье другим. Ну, если оно вообще получится, это веселье, а не сведется к неловкости и недоумениям. Родителей-то появление в гостях немолодого профессора вполне может навести на определенные тревожные мысли...

Но в одном ей под конец дня точно повезло: Лида готовилась к бессонной ночи, а отключилась сразу, едва коснулась головой подушки. За один только день она вымоталась, словно за неделю.

Глава 2. День рождения Лиды Весны

А утром ее разбудили слаженный хор военных песен из всех поселковых репродукторов, гулкая переключка голосов за окном – поселковый народ двигался в направлении города на праздничные мероприятия. Этому шуму вторил телевизор в комнате родителей. Лида села на кровати, выпрямила спину и накрепко сцепила руки у груди. Она дала себе на этот день клятву скрепить сердце, сковать железной цепью эмоции, чтобы все вокруг нее были счастливы и довольны. А своим чувствам дать волю лишь когда вернется снова в свою комнату. Тут сможет вволю порыдаться, если праздник обернется полным провалом.

Взбодрив себя таким решением и даже повеселев, Весна в темпе придала себе бодрый и позитивный вид. В ванной долго плескала ледяной водой на лицо, пока щеки и лоб не запылали. Заплела в тугую короткую косу отросшие с последней стрижки волосы, в карман халата сунула мобильник – а вдруг профессор Гольдман все же решит заглянуть, и у него возникнут вопросы, например, как добраться до их дома. А после этого вприпрыжку сбежала на первый этаж с самым ликующим видом, на который была способна.

Мама и отчим уже ждали ее, хотя усердно делали вид, что пялятся в экран телевизора. А сами наверняка обсуждали грядущий праздник, потому даже не заметили, что телик орет на весь дом. Вера тут же поднялась с кресла навстречу дочери, протянула вперед руки. Лида, улыбаясь от уха до уха, с готовностью нырнула в материнские объятия.

– Лидуня моя, красавица! – заворковала Вера, привставая на цыпочки – дочь давно обогнала ее ростом. – Счастья тебе, родная, во всем-во всем и всегда-всегда! Ну и здоровья, конечно.

Прерывистый вздох матери на последней фразе немного удивил Лиду – она вроде на здоровье и так не жалуется. Но Вера уже оторвалась от дочери, спеша со всех ног обратно к креслу, за которым, как оказалось, притаился подарок.

В большой пакет с логотипом известного бренда Лида сунула нос незамедлительно – в отличие от праздников подарки-то она любила. А вот получала редко, много лет в их маленькой семье денег едва хватало на самое необходимое. Через мгновение она, от восхищения перестав дышать, держала на вытянутых руках платье изумительно синего цвета, из тончайшей шерсти, с драпировкой на талии и серебристым тиснением вдоль ворота. Значит, мать была уверена, что дочка все равно с покупкой не справится, вот и подстраховалась.

Следом подошел отчим, немного стесняясь, чмокнул девушку в щеку, достал из-за спины и вручил свой пакет, небольшой, элегантный. Там в бархатной коробочке обнаружилось украшение к платью – серебряная подвеска в виде лиры, на тонкой цепочке, под самую шею. Сразу стало ясно, что оба подарка тщательно согласовывались и подбирались, возможно, месяцами. Охнув от восторга, Лида обхватила за шеи сразу обоих, бестолково расцеловала, а потом стремглав взлетела обратно на второй этаж – примерять обновку.

Натянула платье, порадовалась тому, как волшебной нежнейшей материей облегла ее худое подтянутое тело, добавила нужных форм и сгладила острые углы. После застегнула на шее кулон, полюбовалась на себя, вертясь у зеркала, пока голова не закружилась. Попав безоговорочно под влияние дизайнерского шедевра, Лида без колебаний распустила простецкую косу, до блеска начесала волосы и заколола тяжелую копну высоко на затылке. Бросила в зеркало вопрошающий взгляд: оттуда на нее смотрела какая-то незнакомая Лида Весна, почти совсем взрослая, очень красивая.

И девушка вдруг задохнулась от счастья, от невероятного ощущения, что вся жизнь впереди, и в этой жизни ее обязательно ждет что-то необыкновенное, замечательное. Вот и мама теперь здорова, счастлива в первом в ее жизни браке, у них настоящая семья! В свете этого не

так уж важно, как сложится сегодняшний день. Да пусть хоть вообще идет все наперекосяк – она и бровью не поведет. И не плакать будет, вернувшись в свою комнату, а смеяться в голос!

И еще одну вещицу добавила Лида к «красоте» – так мысленно окрестила она свой новый облик. Браслет из белого сплава, узкий, матовый, который снимала только на ночь. Откуда он взялся, никто не смог ей внятно ответить, мать упоминала про некий «подарок» и всякий раз отводила глаза. У браслета был секрет: стоило ему пригреться на запястье или полежать на ладони, как в глубине зажигались и горели ровным светом две звездочки, красная и синяя. По бокам от них, если присмотреться, проглядывал намек на еще две, золотую и серебряную. Только они не горели, как не нагревай. Однажды Весна даже занесла вещицу в мастерскую, попросила сменить светодиоды. Однако мастер долго вертел браслет в руке, пока не признался наконец, что «понятия не имеет, как эта штука устроена».

Финальным аккордом она подобрала в невеликом своем гардеробе подходящие к платью белые лодочки и сбегала вниз и с улыбкой искреннего удовольствия. А уж там собрала все восторги и комплименты по поводу своего волшебного преображения. Впрочем, Вера скоро вернулась мыслями к делам насущным и поручила дочери сбегать к ларьку от хлебозавода за свежим хлебом.

– А больше ничего не нужно докупить? – спохватилась Лида. – Я ведь все-таки пригласила кое-кого, ну, я вас предупреждала...

И примолкла, осознав нечто странное: вчера по возвращении ее из института никто не поинтересовался насчет того, ждатель ли еще одного человека, и это после утренних тревожных новостей! Нагулялись среди фонтанов и забыли? Едва ли. Она заметила, как мама и отчим обменялись понимающими взглядами, а мать сказала:

– Учли мы твоего приглашенного, не волнуйся. Уже и стол накрыт.

– А еды на весь поселок хватит, твоя мама разошлась, – добавил доктор Ворк.

– Но он может не прийти, я не уверена...

– Не придет – прибор долой, и все дела! Беги уже, а то разберут! – Замахала на нее руками Вера.

Лида в крохотной прихожей накинула поверх нового платья удлиненную куртку-анорак и решила обойтись без головного убора. Влезла в массивные, надоевшие за холодные месяцы ботинки, пересекла двор и помчалась в сторону поселкового рынка.

Она уже проделала половину пути, когда вдруг резко затормозила, взметнула каблуками фонтанчики пыли, досадливо ойкнула. Мобильник! Оставила его в кармане халата, а профессор может позвонить в любой момент. Не получив ответа, решит, что приглашение было глупой шуткой. Девушка опрометью бросилась в обратном направлении.

Последние метры до родного дома, сбив дыхание, шла уже нормальным шагом. В конце концов, если был звонок, не беда: она соберется с духом и перезвонит, времени прошло всего ничего. Лида на ходу по старой привычке привставала на цыпочки и поглядывала через забор. Сперва видны были лишь голые кусты с бурыми гирляндами набухших почек, потом показалось распахнутое окно кухни, за которым перемещалась между столом и плитой щуплая фигура отчима. Две старые яблони, чьи ветви давно и прочно переплелись, заслонили обзор. А миновав их, девушка застыла на месте и чуть не вскрикнула, едва успев зажать ладонью рот.

На пороге дома мать в накинутой на плечи пушистой кофте разговаривала с кем-то, кто стоял на земле, но все равно возвышался над ней так, что Вере приходилось запрокидывать голову. В первый миг Лиде показалось, что пожаловал профессор собственной персоной, и она испытала странный покой, будто даже ни капли не сомневалась в его появлении. Правда, профессор Гольдман в университете всегда щеголял в элегантных костюмах, на госте же были растянутые джинсы и объемный свитер мятного цвета. И пунктуальностью своей профессор славился, с чего бы ему заявляться в такую рань? Но рост, но почти красные на солнце волосы!

Вот только куда подевалась седина? И мама болтает с пришельцем запросто, как с хорошим соседом – тоже странность.

В этот момент мужчина оперся рукой о перила крыльца, при этом немного сместился вбок и повернулся к Лиде в профиль. Разочарованный вздох вырвался из груди: не он! Это совсем молодой парень, нет россыпи морщин в уголках глаз, на скулах пылает великолепный румянец. Но как похож! Не иначе профессор прислал родственника, чтобы извиниться за свое отсутствие. И не просто родственника – сына, только так можно объяснить поразительное сходство. Значит, заметил чрезмерный интерес девушки к своей академической персоне и решил таким способом вразумить, дать понять, что он вовсе не одинок в этой жизни. Жестоко, но действительно.

Вот и мама на крыльце отчего-то прекратила улыбаться, съежилась и едва не плачет. Значит, вникла в суть дела и наперед предвидит, что долгожданный праздник будет загублен. Незнакомец что-то говорит ей с мягкой полуулыбкой, уговаривает или утешает. Протянул к ней руку – и Вера с готовностью схватилась за его ладонь, смотрит на парня, как на родного.

– Все чудесатее и чудесатее, – буркнула себе под нос Лида, пожалала плечами. И во избежание неловкости отправилась по прежнему маршруту.

А когда через полчаса она вернулась с раздувшимся пакетом через плечо, в доме уже стоял дым коромыслом: блюда сносились в гостиную, в кухне на всех четырех конфорках кушанья доходили до нужной кондиции. Вера, столкнувшись с дочерью в тесном коридорчике, распорядилась деловито:

– Неси хлеб сразу в гостиную и выложи на подоконник, будем дорезать по необходимости. Смотрела при этом в другую сторону, прятала покрасневшие глаза.

Лида так и сделала. Однако в гостиной ее изумили сразу две вещи, так что она и до окна не дошла, застыла посреди комнаты, таращась на стол. Первой вещью был невероятной красоты и размеров букет пылающих георгинов. Второй – торт, занявший место в самом центре стола и явно испеченный не в знакомой Лиде барахлящей духовке – туда бы он даже не поместился.

Два земных полушария перетекали друг в дружку, образуя цифру 8. Страны, моря, острова исполнены разноцветной глазурью с удивительной точностью. Свободное пространство занимали фигурки из марципана и шоколада: это были поезда, самолеты, машины, крохотные, но выполненные с учетом малейших деталей. А еще пряничные человечки, машущие платочками на прощание, обнимающие друг дружку после расставания. Лида подзависла: торт можно было рассматривать неделю и не углядеть все детали.

– Нравится? – Это Вера заглянула в гостиную.

– Мам, такое великолепие откуда здесь взялось?!

– Да так, передали с наилучшими поздравлениями имениннице, – хихикнула мать.

Мозг лихорадочно заработал: передал, конечно, тот рыжий, который на сто процентов как-то связан с профессором Гольдманом. Сам профессор сюда не пожалует, тоже ясно. Но что, скажите на милость, означает украшение торта? То, что перед Лидой открыт целый мир? Или можно питать крохотную надежду, что этот мир они повидают вдвоем? А иначе не логичнее было бы вместо шикарных машин и самолетов малой авиации раскидать по сладким полушариям печальную вереницу автобусов – самый доступный для Лиды транспорт, если вдруг выберется в заграничное путешествие. Хотя, иностранец мог не держать в голове такие тонкости, да и откуда ему знать, как она живет.

– Цветы положено вручать, а не передавать тайком! – раздражаясь от своих мыслей, выпалила девушка.

– А цветы мне, а не тебе, – тотчас парировала Вера. – Это я, между прочим, мучилась-рожала. И это я обожаю ранние георгины!

– Ой, мамуль, прости!

Но тут уже раздался звонок от ворот, и Лида побежала встречать гостей. Пришли Мила и Алексей. Пылающее лицо лучшей и единственной подруги почти скрывал художественно составленный букет, ее парень на вытянутых руках держал увесистый подарочный пакет. Весна одарила друзей сияющей улыбкой – это она припомнила данное самой себе обещание. И огляделась по сторонам: кого-то явно не хватало.

– Леш, а где твои младшие?

– Участвовали в шествии «Бессмертного полка», – отчитался Санин. – А потом родители их на аттракционы повели.

– Ой, а почему не к нам? Еды просто горы наготовлены.

– Они ближе к вечеру сюда прибегут и все подчистят, не переживай, – заверил ее Алексей. Лиде показалось, что он вроде как не в своей тарелке, тяжело вздыхает, косится беспокойно то на Милу, то на Лиду.

«Интересно, когда в сентябре на его днюхе была, он ничуть не напрягался. Тогда еще его родители едва не задушили меня в объятиях, странновато выглядело для первого знакомства».

Все вместе прошли в дом, там Мила начала безудержно восхищаться удивительным тортом, а Санин – снимать его со всех ракурсов на свой мобильный. Лида же все еще ждала, не теряла надежду, и даже поморщилась от досады, когда Вера пригласила к столу. И именно в этот момент от калитки раздался еще один звонок...

Ноги тотчас превратились в желе, Лида уронила на палас флакон духов, только что обнаруженный в подарке от ребят. Беспомощно огляделась по сторонам: отчим с сосредоточенным видом откупоривал пачки с соками, Вера резала хлеб. Мила и Алеша крутились вокруг торта и ухом не вели, ну хороши друзья!

– Ну что же ты, иди давай, – краем рта подсказала мама после очередного заливистого трезвона – некто за забором был нетерпелив. – Твой гость пожаловал.

Она пробежала по асфальтовой дорожке к калитке, отперла ее влажными от волнения руками. А за калиткой обнаружился все тот же рыжий парень, он улыбался от уха до уха и протягивал Лиде невероятной величины букет алых и кремовых роз. Да еще и переодеться успел, теперь на нем была белая водолазка и вполне приличные джинсы. Весна с усилием расклеила губы и спросила напрямую, не утруждая себя вежливостью:

– А вы вообще кто такой?

– Пришел поздравить именинницу. – Парень даже не думал обижаться, хотя следовало бы. – И вручить цветы, – букет немедленно оказался в Лидиных руках, пришлось прижать его к груди, чтобы не выронить. – Это была программа-минимум, но, если позовете в гости, упираться не стану.

– Вы от профессора Гольдмана, полагаю, – глядя на него со всевозможной суровостью, процедила Весна. – Это он поручил вам принести торт, а также букеты для мамы и меня?

– Именно. Сам профессор прийти не сможет по весьма уважительной причине. Но он не забыл про вас, Лида, и желает вам огромного счастья!

– А вы его родственник, да? – Девушка все еще блокировала своим телом вход во двор.

– Думаю, это очевидно, – парень подергал себя за рыжие пряди.

– Сын?

– Снова угадали.

Говорил профессорский сын без малейшего акцента, что еще больше путало всю картину.

– Как вас зовут? – сурово спросила Лида.

– Лазарь, – парень галантно поклонился, разве что ножкой не шаркнул.

– Но это же...

– Ага, семейное имя, не удивляйтесь.

– Да я уже ничему не удивляюсь, – сквозь зубы процедила девушка, борясь с искушением захлопнуть калитку перед носом рыжего. А букетом запустить через забор, если удастся перекинуть, конечно. Но воспитание взяло вверх, и она молча отступила в сторону, освобождая проход. Чем этот тип немедленно воспользовался, прошествовал во двор, как к себе домой. И пошагал по калитке к дому, правда, не забывал оглядываться через плечо на плетущуюся следом Весну.

«Что этот профессор о себе вообразил? Ладно бы просто не явился, никто особо и не надеялся. Но сына-то зачем? Решил, если они похожи, так глупая студентка, глядишь, и клюнет? Подыскивает сынку подружку, чтобы не заскучал в холодной России? Не выйдет из этого ничего!»

Войдя за вторженцем в дом, а затем и в гостиную, она успела заметить еще кое-что странное: Мила и Алексей, уже сидящие за столом, синхронно улыбнулись гостю, Санин даже ладонь растопырил в знак приветствия. Складывалось впечатление, что видят они рыжего гиганта не в первый раз.

– Садитесь, Лазарь, – сказала мать, указывая на место рядом с тем, которое за семейным столом обычно занимала Лида. А сама выхватила у дочери букет, которым та уже почти мела пол, поахала восхищенно – и унесла оформлять в вазу. Скрипнув зубами, девушка плюхнулась на стул рядом с отчимом, предоставив матери делить компанию с этим наглым типом.

Никто не отреагировал на ее выходку, словно так и задумано было. Доктор Ворк тут же начал наполнять ее тарелку, мать, вернувшись и разместив букет на окне – для стола слишком огромен оказался – села рядом с Лазарем с таким явным удовольствием, словно обрела любимого сына после долгой разлуки.

Некоторое время Лида скрежетала зубами и строила планы мести профессору: больше ни единого взгляда в его сторону, после сессии вообще переведется в другую группу. Нет, на другой факультет, где он не преподает. Но примерно через четверть часа, попробовав все, что наготовили родители, вдруг забылась и расслабилась. Она была среди самых близких ей людей – ну, за исключением рыжего – и все по очереди говорили о ней добрые слова, а зеркало в углу гостиной исправно отражало, как она хороша с новой прической и в этом изумительном платье. Жизнь прекрасна, чего еще желать!

Профессорский сын немедленно оказался в центре внимания, толкал тосты за именинницу на всех языках мира с переводом, рассказывал такие забавные истории, что стол от хохота гостей и хозяев ходил ходуном, жалобно звякали бокалы.

Потом Вера объявила переход к сладкому столу, а доктор Ворк предложил пока молодым потанцевать и тут же организовал музыку. Заиграл любимый Лидой вальс из мультика «Анастасия» – понятно, отчим подготовился. Санин на первом же звуке бодро вскочил и протянул руку Миле, Юрий Борисович унесся на кухню помогать жене. Неестественная отлаженность чудилась девушке во всем происходящем, словно неведомый режиссер рассчитал действие по секундам. Замерев, как зверек в засаде, Лида наблюдала, как медленно и неотвратимо странный гость приближается к ней, протягивает руки, улыбается ласково, но что-то не слишком весело. И поняла: вот оно, начинается...

– Не танцую, – отрезала она. Чем ничуть не сбила парня с толку.

– Тогда, может, составите мне компанию в саду? Подышим и немного утрясем съеденное.

– Ну... ладно.

Она накинула куртку – солнце успело прыгнуть за тучу. Лазарь так и оставался в одной водолазке, был, похоже, морозоустойчив. На этот раз впереди шла Весна, на середине дорожки обернулась, удивилась и даже слегка испугалась разительным переменам в незваном госте. Он больше не улыбался, красивое выразительное лицо его застыло, словно разом превратилось в античную мраморную маску. И непонятная грусть поселилась в чуть выпуклых шоколадных глазах, взгляд же он не отрывал от девушки. У Лиды оборвалось сердце.

– Кто вы такой? – прошептала, стискивая у горла руки.

Парень улыбнулся невесело, словно по инерции:

– Я ведь уже представился.

– Но вы же не сын профессора Гольдмана! Вы соврали!

– И кто же я тогда? – он вздохнул, словно утомленный ее недогадливостью.

– Не знаю, сама не понимаю. Я подумала бы, что вы и есть профессор, но тогда зачем весь этот маскарад в университете, седина, морщины? А потом, если вам лет двадцать, вы никак не могли окончить Стэнфорд и написать все эти книги, труды, статьи...

Рыжий гигант вскинул голову, посмотрел на низкую рваную тучу, и стоял так секунд десять, словно собирался с духом. Потом заговорил медленно и осторожно, словно по минному полю шел:

– А если я скажу вам, Лида, что есть люди, которые могут жить очень долго, при этом совсем не меняясь внешне? И им приходится прибегать к маскараду, дабы не привлекать к себе излишнее внимание.

– Как долго? – шепотом спросила девушка. В ответ прозвучало негромкое:

– Вечно.

Глава 3. Забытое

Целая минута прошла в хрупком тревожном молчании. Лида привстала на цыпочки и до хруста выпрямила спину – так ей всегда лучше удавалось справляться с волнением. Первым порывом было броситься в дом и попросить защиты у родителей и друзей. Но ведь парень совсем не выглядел безумным или опасным, стоял с невозмутимым видом и смотрел на нее сочувственно. И был так похож... нет, она просто обязана разобраться до конца во всех этих странностях.

– Однажды, Лида, вы уже узнали эту историю и приняли ее, – подметил Лазарь, когда пауза затянулась.

– Значит, это ваша история?

– Конечно.

Он кивнул и положил руку ей на плечо, даже сквозь одежду девушка ощутила, как тяжела и горяча его ладонь. Расклеила губы и пробормотала себе под нос:

– Ну, хоть не вампир.

Тихий смешок.

– И вы действительно профессор Гольдман?

– Да.

– А если вы профессор, тогда скажите, за что снизили мне оценку за последний реферат? – решила на проверку Лида. – Ну, что вы мне там в конце написали, а?

– Я написал, Лида, что вам стоит больше верить в свои знания и свой ум. А потому не нужно собственные выводы ставить в кавычки и ссылаться при этом на малоизвестных историков. Тем более – добавляю это сейчас – я их всех читал.

Сказав это, парень от души расхохотался, стряхнул со лба волосы – они полыхнули огнем в прорвавшемся вдруг сквозь тучу золотом луче.

– Да, – прошептала Лида, окончательно сбита с толку. – Вы, кажется, в самом деле профессор. Но тогда вам здорово удастся гримироваться.

– У меня была хорошая учительница, – сказал Лазарь и на мгновение отвернулся, мотнул головой, отгоняя что-то... дурное воспоминание?

– Но это не только моя история, – не давая девушке опомниться, продолжил он. – Она еще и ваша.

Лида попятилась от него, даже руками замахала.

– Что?! Нет. Да перестаньте вы меня разыгрывать! Что за шутки дурацкие, в самом деле!

И даже ногой совершенно по-детски топнула. Она еще могла поверить, что с этим красавцем случилось нечто фантастическое, но чтобы с ней...

– Это не шутки, Лидуся.

Он враз оказался рядом, в этот раз положил ей на плечи обе руки, чуточку сжал, словно на тот случай, если все же надумает свалиться в обморок или дать деру. Она не собиралась, конечно... но почему от слова «Лидуся» стало так тревожно и радостно на душе, словно она уже слышала раньше этот теплый голос, и свое имя, им произнесенное, десятки, сотни раз? Но из врожденной осторожности девушка все же слегка попятилась, уперлась спиной в калитку.

– А если мы сейчас вернемся в дом, вы сможете повторить эту вашу историю при маме, ребятах?

– Мог бы, – кивнул Лазарь. – Да только в этом нет смысла. Они давно все знают, Лида. И в курсе, о чем я сейчас говорю с вами. Ждут результатов, волнуются. Если вам так будет спокойней, мы можем пойти в дом, пообщаться всем вместе.

– Нет! – чересчур поспешно произнесла девушка. – Я потом разберусь, почему они так со мной поступили. Ну, не подготовили меня, не рассказали раньше! Свалили все на чужого человека!

Лазарь кивнул, словно разделяя ее негодование, потом сказал:

– Лидочка, раньше говорить было нельзя, позднее поймете, почему. Но теперь вам восемнадцать, вы все узнаете и во всем разберетесь.

– Ага, разберусь. Стоп, а почему я ничего не помню? Это из-за моей амнезии, так, что ли?

Рыжий гигант медленно поводит головой из стороны в сторону.

– У вас нет амнезии, но вы действительно забыли примерно год вашей жизни. И вспомните все сами не слишком скоро, только через шестнадцать лет. Мы с Верой долго думали, совещались о том, стоит ли посвящать вас во все это сейчас. Или дать вам еще десяток спокойных лет, до тех пор, пока последствия трудно будет скрывать...

– Какие еще последствия?! – нервно вскрикнула Весна.

– Такие, что с этого дня вы перестанете меняться. Не постареете ни на день. Какое-то время это не будет бросаться в глаза. Но есть причины, по которым, увы, мы не можем подарить вам эти несколько лет.

– Каки...

Но Лазарь поднял руку – и она заткнулась.

– Давайте не будем забегать вперед. Впереди у вас непростая неделя, Лида. Зато обещаю, что не стану мучить вас на своем экзамене. Ваши родители, друзья – мы постараемся постепенно ввести вас в курс тех невероятных событий, что происходили в этом городке два года назад. Некоторые страницы этого повествования весьма печальны, вам может показаться, будто вы в чем-то виноваты – но это не так. Я специально поселился здесь неподалеку, чтобы всегда быть рядом, если нужна будет помощь, разъяснения, просто дружеская беседа. Дополнительный бонус: смогу возить вас в университет и обратно на машине. И давайте уже перейдем на «ты», как мы общались тогда, прежде.

Лиду вдруг бросило в жар, и она поспешила отвернуть лицо. Общались, значит? А как именно общались? Не может быть, чтобы она не была в него влюблена, втрескалась же в немолодого профессора. Хотя, ей тогда было меньше лет, может, обошлось? Через десяток секунд спохватилась и кивком дала понять, что не возражает.

– Каждому из тех, кто собрался сегодня на твой праздник, есть о чем рассказать тебе, Лидочка. Все они в той или иной мере были участниками тех событий. Однако мы решили делать это строго дозированно, в день не более одного свидетельства. С кого бы ты хотела начать?

– С ва... с тебя, если можно, – прошептала она.

Кажется, профессор несколько не сомневался в таком ответе.

– Тогда я на минутку зайду в дом и предупрежу: пусть продолжают праздновать без нас. А мы с тобой прогуляемся по лесу. В парке сегодня не протолкнуться – праздник.

– Ага.

Лазарь скрылся в доме. Лида подумала как-то вяло, что правильнее было пойти с ним, удостовериться: вдруг он безумен, или хитрит, а сам задумал что-то дурное? Хотя она что, не верит ему? Конечно, верит, просто все так странно...

«Кажется, даже не веря до конца, я готова бежать за ним на край света».

Потом они бродили по заповедному лесу, потеряв счет времени. Дождь так и не пролился, хотя Лазарь прихватил из дома зонтик. Впрочем, Лида и дождя бы не заметила.

Рассказ о ее забытом прошлом начался вполне невинно, даже интригующе. Но под конец веки девушки распухли от слез, ей хотелось умереть, исчезнуть, заново все забыть.

– Лидуся, успокойся, – в который раз попросил Лазарь, огорченный и встревоженный ее состоянием.

– Да как я могу успокоиться, ты что?! Из-за меня погибло столько людей! Пусть я не помню их, но они были замечательными, они были моими друзьями!

Лазарь развернул ее к себе и крепко держал за плечи. Пытался поймать взгляд, но Лида съежилась и опустила голову, не в силах смотреть ему в лицо.

– Ты из-за меня потерял двух самых близких людей. А не загляни вы в этот проклятый городишко, не встретили бы меня и у вас бы сейчас все было замечательно!

Профессор аккуратно и нежно прижал ее к себе, провел рукой по волосам. Ее взрослая прическа давно уже рассыпалась после встречи с парой когтистых веток. Даже не верилось, что пару часов назад был праздник.

– Лидочка, ну ты лишнего на себя не бери! Твое участие стало в какой-то мере катализатором событий, но не более того. Мы бы все равно узнали, что Креон завладел Книгой талантов и собирает армию вечников. Наш мир слишком узок, нам не удалось бы отсидеться в сторонке. Да мы бы и не стали отсиживаться. И никому не ведомо, с каким результатом окончилась бы наша борьба без тебя.

Весна обдумала его слова – и дышать стало чуточку легче. Значит, все же не она заварила эту кашу. А раз так, то можно спросить и о другом.

– Лазарь, я не совсем поняла, почему так хотела спасти Лешу Санина. Даже не послушалась твоих предупреждений, вполне здравых, признаю. Это из-за Милы, да?

Внезапное молчание профессора навело ее на мысль, что тут все не так просто. Лида тревожно вскинула голову, Лазарь улыбнулся чуточку смущенно:

– Нет, ты пошла на это ради самой себя и Алексея, конечно. Тут я захожу на чужое поле, ибо не был очевидцем событий. Но, если вкратце, между вами тогда возникло серьезное чувство. А затем ты узнала, что он смертельно болен, и тебя стало невозможно остановить.

Весна в полном недоумении потрясла головой, похлопала ресницами.

– Стоп. Быть того не может. Леша сейчас парень Милы. Конечно, за него я ручаться не могу, но вот за Милку – стопудово. Она бы не покусилась на мое, потеряй я память хоть сто тысяч раз!

Рыжий гигант только руками развел, давая понять, что не берется судить о столь тонких материях.

– Могу лишь уточнить, что вы с Алексеем расстались раньше, чем у тебя отняли память. Почему – не спрашивай. Возможно, сыграло роль, что он не сумел сразу принять тебя в новом качестве, как вечницу. А ты... тогда, Лидуся, на тебя столько всего свалилось, что, возможно...

– Э, нет, – перебила Лида в странном азарте. – Я-то себя знаю. Я так просто разлюбить не могла, разве что... ну, допустим, полюбила кого-то другого. И это оказалось куда сильнее, чем детская любовь.

– Возможно, – Лазарь кивнул и медленно двинулся вперед, пришлось его догонять и становиться на пути.

– Я влюбилась в-в... в тебя? – обмирая от собственной смелости, спросила она.

Парень расхохотался, снова потрепал ее по волосам:

– Не выдумывай, Лид! Тебе тогда было шестнадцать. Самое время для первой любви, но рановато влюбляться в того, чей возраст перевалил за два тысячелетия.

– А в кого тогда? В парня из Питера, Сашу Ревунова? Н-не думаю. У меня чуть сердце не разорвалось, когда ты рассказывал, как он погиб. И все же, люби я его, мне было бы в сто раз хуже. И не начинай снова про память, тебя даже в заgrimированном виде я почти узнала. Значит, частично я все же помню, да!

Что-то в лице Лазаря явственно намекнуло ей, что он не хочет развивать эту тему. Пришлось давать заднюю:

– Зато теперь понимаю, почему Санин так виновато глядел на меня сегодня. Знал, что скоро все выплывет наружу! Ладно, из ребят я потом все вытрясу, а ты, Лазарь, расскажи мне про Анну... ой, как произношу ее имя, сердце едва не выскакивает. И про того парня, Марата, да? Их можно как-то вернуть из прошлого?

– Этого вовсе не требуется, – в очередной раз ошарашил ее профессор.

– Но почему?! Разве ты не хочешь?..

Рука на ее плече оказалась в очередной раз как призыв к спокойствию.

– Я лишь имел в виду, что возвращать их из прошлого не нужно. Давай постараюсь объяснить: время сравнимо с туннелем, в котором бежит река. Имея определенные способности – или при помощи Книги талантов – можно приподнять люк и заглянуть в прошлое. Побывать в нем, даже если уже когда-то жила в том времени, как Анна. Можно остаться. Но ток реки необратим, и Анна с Маратом, пережив века, теперь обитают...

– Здесь, в нашем времени?! – не дослушав, проорала Лида. – Ты уже отыскал их?!

Былое трепетное почтение к профессору как-то незаметно улетучилось вместе с сиденьями на его висках.

– Не отыскал, увы. Не так это просто. Теорию шаговой реальности разработал Валерий Бельский, чем дал мне надежный ориентир, но почти не оставил надежды. Суть теории в том, что люди могут жить в абсолютно идентичной реальности, но при этом никогда не пересекаться лично. Даже оказавшись в одно время и в одном месте, они гарантированно не встретят друг друга.

Весна задумалась до скрипа в мозгах, потом медленно произнесла:

– Но если Анна заново переживала все те времена, в каких уже бывала прежде в компании тебя и Валерия, то она бы первым делом...

– Попробовала бы встретиться со мной, конечно! Побывать в тех местах, где я жил или работал. Думаю, она проделала это раз или два, просто чтобы убедиться, что теория Валерия работает. Но вот что интересно...

Лицо Лазаря стало таким задумчиво-печальным, что Лида сама схватила его за руку:

– Что?!

– Это всего лишь предположения, – покачал головой профессор. – Я почти два года размышлял, как бы мы смогли снова встретиться. Не придумал, зато утвердился в том, о чем мы когда-то много спорили с Валерием. Зачем вообще нужна шаговая реальность.

– И зачем же?!

– Я выдвигал версию, что путешествия во времени все же возможны, и однажды будут кем-то открыты. Ты наверняка в курсе, что главный парадокс и камень преткновения в подобном путешествии – это встреча в прошлом или будущем с самим собой. Получается, эта проблема была учтена и устранена еще от начала веков: человек никогда не попадет в ту реальность, где уже жил или живет, не встретит друзей или знакомых. Валерий же считал, что парадокс был устранен ради вечников и с учетом существования Книги Талантов. Как ученый, к созданию машины времени он относился скептически. Однако, на мой взгляд, многовато чести для альтернативного вида.

– Это круто, конечно, – торопливо покивала Лида. – Но я в этом полный дуб, парадоксы времени – не мое. Ты лучше скажи, как вернуть ребят?

Лазарь улыбнулся уголком рта ее нетерпению, ее горящему взгляду. Но было ясно, что этой темой он жил последние годы ежедневно, не имея под рукой столь благодарного собеседника. И был рад говорить об этом сейчас:

– Пока не знаю, но надежда есть. Да и ребята за века не теряли времени понапрасну. Мне удавалось получать весточки от них в музеях и хранилищах по всему миру. Я отыскал даже рукопись семнадцатого века, автор которой весьма неординарно рассуждает о загадках времени. Написал ее некий француз виконт де Вельш, и она дала мне пару подсказок. Но нужно

больше, а пока недостаточно данных. И давай-ка поворачивать назад, хорошо? С тебя для первого дня достаточно.

– Ладно, – неохотно согласилась слушавшая с раскрытым ртом девушка.

– Тогда пойдем, провожу тебя до дома, – горячие пальцы сжали ее ладонь. – Думаю, Вера приберегла для нас по кусочку торта.

Какое-то время шагали рука об руку молча. Девушка что-то напряженно обдумывала, и Лазарь косился на нее обеспокоенно: он-то помнил, что означает такое вот задумчивое затишье. И не ошибся.

– Лазарь, я вот что думаю, – заговорила Лида, когда уже вышли на улицу проселка, что вела к ее дому. – Мой отец, он ведь в некотором роде жив, правда?

– Конечно, – подтвердил профессор.

– Он не человек больше. Но с ним можно встретиться. Ты сам сказал, что он встречался с тобой, рассказал, что произошло с моей памятью. Он знает, что в день восемнадцатилетия мне уже можно будет все узнать. Как думаешь, не захочет ли повидаться со мной?

– Не думаю, что тебе стоит на это рассчитывать, – мягко произнес Лазарь.

– Нет, но почему? Просто поздравить, немного пообщаться. Трудно ему, что ли?

Рыжий гигант выразительно закатил глаза. Он явно не ждал от девушки подобной прыти.

– Так, Лидуся, давай договоримся, пока ты снова не попала в беду: Призрачные Судьи не являются к вечникам просто так, их нельзя призвать, пригласить в гости на чаек. Они приходят чаще всего для того, чтобы наложить взыскание, и одно предупреждение у тебя уже есть. Пообещай мне прямо сейчас, что будешь контролировать свои поступки, каждый свой шаг. Иначе твоему отцу в самом деле придется появиться, но, поверь, эта встреча не принесет радости ни тебе, ни ему.

– Ладно, поняла, – поспешила сказать девушка, испуганная его суровым тоном. – А что такого я могу натворить, к примеру?

– Без Книги, по счастью, ничего грандиозного. Хотя, зная твои способности... Обещай, что станешь советоваться с мной по любому случаю, который покажется тебе хоть скольконибудь странным или подозрительным. Новое знакомство, необычное предложение...

– Да мне теперь все будет казаться странным и подозрительным! – вскричала девушка.

– И очень хорошо. Я рядом, прибегай или звони по любому поводу.

Такое предложение Лиде неожиданно понравилось, согрело сердце.

– И в любое время, да? А то мне всякая ерунда чаще всего по ночам в голову лезет...

Тут Весна смекнула, что несет что-то не то, даже в жар бросило и дыхание сперло. Лазарь, однако, ничуть не смутился:

– Время суток не имеет значения, у меня очень чуткий сон. Держи свой телефончик всегда наготове.

И улыбнулся так добродушно, что удалось выдохнуть. Предложил:

– Ну что, возвращаемся к тебе? Гости наверняка уже разошлись, а Вера волнуется.

– Возвращаемся, – нехотя согласилась Лида. Хорошо, если ребята уже ушли, сегодня у нее не осталось сил с ними общаться. Тем более, когда все так сложно, и непонятно, и до сих пор немножко обидно.

Глава 4. Диббук

Профессор подхватил ее безвольно повисшую руку, повел с прицелом на красную калитку Лидино дома. Вопросов было так много, что девушка сдалась и молчала эти последние метры. Молчал и ее спутник. Станным образом в тишине к ней понемногу возвращалось самообладание.

Сквозь щели забора Весна глянула на свой дом: верхний свет погашен, значит, праздник закончен, гости разошлись, а родители уже успели убрать со стола. И теперь мама в кресле под торшером делает вид, что читает, а сама наверняка прислушивается: не хлопнет ли калитка. Рядом с ней доктор трудится за рабочим столом, изучает свои бесчисленные книги и журналы, почти водит по строчкам острым носом – он ужасно близорук. Девушка вдруг задохнулась от любви к ним, своим самым близким. Как же они оберегали ее эти несколько лет! И каково было им, обычным людям, принять шокирующую правду о мире вечников и о ней, Лиде!

Она думала, что Лазарь попросается с ней у калитки, но он уверенно прошел в дом, будто сам тут жил. Вера тут же вспорхнула из кресла, поспешила им навстречу, на пороге комнаты к ней присоединился супруг. Оба очень старались не выдать своей тревоги, потому смотрели куда угодно, только не на лица пришедших.

– Мы сберегли для вас по кусочку торта, – бодрясь, произнес Юрий Борисович.

Лида хотела сказать, что пока не в состоянии есть, и вообще как-то странно даже говорить о такой ерунде. Однако Лазарь ее опередил:

– Я на это рассчитывал. Выглядел этот кулинарный шедевр весьма аппетитно.

– На самом деле, он почти весь сохранился, – вздохнула Вера и наконец заглянула в глаза дочери. – Ребята переживали, вспоминали те события, да и мы... Одна надежда, что завтра с утра заглянут старшие Санины, приведут малышей. Как ты, родная?

Лида только вздохнула в ответ. Что тут скажешь? Не каждый день узнаешь, что стала бессмертной, вечно молодой, а еще причиной гибели своих друзей.

Мать и отчим в четыре руки накрыли сладкий стол, сами сели с Лидой и последним гостем. Разговор шел о будничных вещах, вроде прогнозов на лето – обещало быть очень знойным – и планов матери и Юрия Борисовича съездить в Крым ближе к осени. Потом Ворк вдруг выложил на стол перед ней и Лазарем две крохотные таблетки.

– Это мелатонин, думаю, нам всем нужно хорошенько отдохнуть после треволнений последних дней.

Лида хотела отказаться, но профессор уже ловко закинул таблетку себе в рот:

– О, сгодится!

– Вот только не надо со мной, как с младенцем, – возмутилась Весна, но таблетку все же взяла. И начала выпадать из реальности еще до того, как допила чай. Потом, кажется, кто-то нес ее наверх на руках, руки были горячи, и лестница так громко скрипела...

В три часа ночи, разбуженная страхом, Лида рывком села на кровати. Что-то почудилось ей на пороге сна и яви, и теперь сердце выпрыгивало из груди, застревало в горле. Но что могло так напугать в тишине довольно светлой майской ночи? Девушка даже зажгла бра над кроватью, хотя старалась по ночам этого не делать – потом трудно по новой уснуть. Тревожно оглядела каждый уголок своей квадратной с покатой крышей комнатухи. Конечно же, все в порядке, а ей просто-напросто приснился дурной сон. Что не удивительно, после такого-то необычного дня.

Но тревога не уходила. Минут через пять, убедившись, что сон сбежал безвозвратно, Лида погасила свет и подошла к окну. Прильнув к стеклу носом и лбом, долго и тщательно

изучала хилые яблоньки в их саду. Белые ночи были на подходе, да и луна освещала сад ярко, как прожектор. Одно деревце надолго приковало внимание девушки, казалось ей, что раньше ствол был потоньше. Как будто кто-то стоял там с теневой стороны, причем совершенно неподвижно. Рука сама собой потянулась к телефону, звонить проф... то есть Лазарю. Он ведь сам велел не церемониться, набирать в любой час дня или ночи.

Но нет, нельзя будить человека из-за надуманного испуга. Никого во дворе нет, у нее просто разыгралось воображение, не в первый раз, кстати. А даже если кто-то обнимается там с деревцем, так ведь и забор у них такой, что пробраться на участок ничего не стоит. Деревянные штакетины во многих местах прогнили, гвозди съела ржавчина. Доктор Ворк только и ждет отпуска, чтобы заменить забор на кованый, высокий, непролазный. А вот домом он занимался в свой прошлогодний отпуск, так что сейчас на всех окнах первого этажа стоят решетки, входная дверь двойная, обитатели дома в полной безопасности.

Но вопреки голосу рассудка Лида осознавала, что больше не уснет, так и будет прислушиваться к каждому шороху. Плюс ко всему ужасно захотелось чаю с тортом. На цыпочках она спустилась по лестнице, пробралась на кухню и тщательно затворила за собой дверь. Первым делом подошла к окну: отсюда старое дерево выглядело обычным, морок развеялся. Какое-то время девушка стояла в полутьме у приоткрытого окна, вдыхала сладковатый воздух ранней весны – и постепенно успокаивалась. Свет решила не включать, хватит ей лунного сияния и огонька конфорки.

И вдруг, в момент, когда Лида чиркнула спичкой, что-то произошло. Но не в саду, а в ней самой: девушку ощутимо повело, на миг она испугалась, что без всякой внятной причины хлопнется в обморок. Уронила коробок и оперлась, дыша глубоко и часто, о тумбу с кастрюлями. В дальнем углу кухни темнота на мгновение соткалась в высокую и тонкую женскую фигуру, повеяло едва уловимым цветочный парфюмом.

– Анна! – ахнула Весна, бросилась в угол, но там, конечно, никого не было. Девушка рыдалась, обеими руками зажимая рот, и едва сумела успокоиться. Завтра она скажет Лазарю, что начинает вспоминать, ерунда это все про восемнадцать лет. Она почти увидела Анну в своем воображении! Точно такую, какую показывал ей сегодня Лазарь в своем телефоне: хрупкую, стремительную, неуловимую.

Но до утра еще так далеко! Весна все же поставила на огонь старый облупившийся чайник – электрический сильно шумел и враз бы перебудил весь дом. Пока ждала закипания, бесцельно бродила от двери к окну, в очередной заход бросила взгляд через стекло. И даже не вскрикнула, видно, подсознательно ждала чего-то подобного: в паре метров от окна стояла девушка и в упор смотрела на Лиду.

На этот раз ей ничего не привиделось – и это была не Анна. Хотя незнакомка тоже оказалась высока и стройна, но вот волосы светлые, короткие, их играючи полоскал предрассветный ветерок.

Весна распахнула окно и сквозь решетку позвала тихонько:

– Эй! Вы кто? Что делаете в моем саду?

Девушка помалкивала и не шевелилась. Рот ее чуть приоткрылся, нижняя челюсть отплясывала чечетку, Лида даже расслышала стук зубов. Стало ясно, что с незнакомкой случилось что-то очень дурное и она нуждается в помощи. Мысль об этом окончательно выдула из Лидиной головы всякую разумную предосторожность – и она ринулась к входной двери. Схватила с вешалки куртку, кофту, платок, чтобы поскорее согреть бедолагу. Обежала дом, но у крыльца сбросила темп и медленно, стараясь не напугать еще больше, приблизилась к незваной гостье.

Девушка за это время не сдвинулась с места. Смотрела все так же на освещенное окно, словно свет притягивал ее, а может, успокаивал. Теперь Весна обратила внимание, что одета незнакомка по-домашнему, в байковые штаны и футболку с россыпью разноцветных мишек. Штаны небрежно заправлены в изящные сапожки на высоком каблуке, а поверх футболки

словно чужой рукой накинута ветровка, уже уползшая с одного плеча. Девушка ее не поправила, хоть и дрожала от холода.

Первым делом Лида набросила на нее одежду, заодно слегка потрясла за плечи, проверяя, удастся ли сдвинуть беднягу с места. Девушка поддалась неожиданно легко.

– Пойдем в дом, скорее! – засуетилась Весна. Взяла незнакомку за кисть руки – та оказалась холодной, вялой и влажной одновременно. – Я тебя напою чаем, согреешься. Или что, мне лучше сразу вызвать скорую и полицию?

Впервые девушка как-то отреагировала – мотнула головой. И поплелась, влекомая за руку, к порогу, нещадно заплетаясь в собственные ноги.

Чайник со снятым свистком давно исходил паром, трясся сердито. Лида плеснула кипятком в приготовленную себе чашку, пододвинула к незнакомке, предварительно усадив ее на табурет. Но, отметив неловкие движения девушки, испугалась, что та обожжется, а то и опрокинет чашку себе на колени. Устроилась рядом и стала поить с ложечки.

Поила, а сама лихорадочно прикидывала, что делать. Разбудить маму и отчима? Или сразу звонить Лазарю? Второй вариант Лиде нравился больше, рука уже устремилась к телефону в кармане. Девушка вскинула голову и посмотрела на нее в упор странным расфокусированным взглядом.

– Не бойся, я тебе обязательно помогу, – Лида ухитрилась выдавить нечто вроде ободряющей улыбки. И вдруг услышала в ответ спокойный и властный, с сильным акцентом голос:

– Надеюсь, что поможешь... Лидия. Но звонить никому не надо.

Весна ахнула и застыла, пальцы разжались, телефон провалился в недра халата. Лицо девушки из просто пустого стремительно делалось пугающим, словно миловидная маска трещала и рвалась на морде чудовища.

– Кто вы? – еле выговорила Весна.

Короткое гыканье вылетело из приоткрытого рта.

– Давай отложим наше знакомство на потом. Скажу только, что не имею ничего общего с этим тленным телом, просто воспользовался им на время. Сегодня твой друг многое рассказал тебе, я в курсе. Только не знаю, добрались ли вы до сведений, что вечник может использовать тело полувечника для своих целей. Имея определенный талант, разумеется.

Лида кивнула, хотя в этот момент все рассказанное Лазарем смешалось в ее голове. И глупо повторила:

– Но кто вы?

– Скажем так: я один из тех, кто благодаря Книге талантов сумел однажды перескочить в будущее. О чем ни разу не пожалел – новые времена мне по душе. Я много лет правил в одной маленькой и полудикой, но весьма богатой стране, развлекался и жил в свое удовольствие. Но и вечнику приходит время задуматься о своем будущем. Вот я и подумал: а отчего бы мне не стать хозяином Книги талантов?

– Вы были в окружении Креона? – Из-за незнакомого акцента приходилось сильно напрягаться, чтобы понимать незнакомца.

Исполненный презрения смешок.

– Даже не думал связываться с этим психом. Служить кому-то не в моем обычае. Однако я тщательно следил за происходящим, ждал, когда дурачина Креон нарвется, а Книга останется бесхозной. А когда это произошло, то поспешил сюда, чтобы наконец вступить в игру.

– Вот и зря, – со всевозможным мужеством заявила Лида. – Книги больше не существует. Она уничтожена.

– Глупое дитя, не лги себе и мне: Книга талантов практически неуничтожима! А случись такая беда – уж я бы знал об этом!

От возбуждения голос взлетел и истончился, а девушка сжалась от страха: не проснулись бы родители. И как она ухитрилась так влипнуть: за ручку привела в дом врага, опасного и непредсказуемого!

– Я знаю все, что произошло в этом паршивом городишке больше года назад, – горячился вечник, и почему-то акцент становился менее заметен. – Я собрал каждое свидетельство, изучил те дни по секундам. Да, Книга была варварски разорвана, и кое-что уже у меня.

На этих словах вечник вскочил на ноги и рывком задрал спереди футболку. Молча уставилась Лида на твердую обложку, засунутую за резинку пижамных штанов: опаловая кисть на переплете, все это Лазарь ей тоже показывал сегодня. А потом поспешно отвернулась: ей и чертову Книгу неприятно было видеть, и впалый девичий живот, так бесстыдно обнаженный. Пробормотала:

– Не знаю, где вы раздобыли обложку, но это точно было не самое сложное – она, я в курсе, оставалась в этом времени. Но вот саму Книгу унесли в прошлое, а обложка без нее – ничто.

– Но ведь прошлое уже наступило, не так ли? – Широко улыбнулся вечник, блеснули крупные белоснежные зубы. Он говорил так, словно подслушал их недавний разговор с Лазарем – и от этого делалось совсем жутко. Хотя подслушать он точно не мог, разве что умеет вдобавок делаться невидимкой.

– Наступило, но не для Книги! – отрезала Лида. – Мои друзья наверняка позаботились о том, чтобы хорошенько припрятать ее, да так, чтобы уж до скончания времен. Сейчас на ней какой-нибудь небоскреб стоит.

Вечник, не переставая улыбаться – жуткая гримаса на бледных и дрожащих чужих губах – покивал головой:

– Уверен, именно так они и поступили. Потому тебе, прекрасная Наследница, и предстоит отправиться в прошлое. Ведь ты в состоянии совершить такое путешествие и без Книги, не так ли?

Лида помалкивала.

– Отправишься к своим друзьям, так сказать, на перекладных. Доберешься, убедишь их, что Книгу необходимо вернуть. Я даже ради такого случая дам тебе обложку, ты реанимируешь книгу и с комфортом вернешься назад.

– Но это немыслимо! Я понятия не имею, в какое время мои друзья ушли! – Весна кричала шепотом – страшнее всего сейчас было разбудить родителей.

Улыбка растянулась от уха до уха и сделалась просто ужасной. Запекшиеся губы в нескольких местах треснули, выступила кровь.

– Возможности людей безграничны, особенно когда на кону жизни их родных и друзей. Нужно только хорошенько захотеть – и все получится. Будешь заглядывать в эпоху за эпохой, пока не отыщешь. Или – тоже вариант – попробуй встретиться с друзьями здесь, в настоящем. Я ни черта не смыслю в этих теориях разделенных реальностей, о которых сейчас гудит наш мирок – твой покойный друг открыл их, не так ли? Вдруг Наследник может запросто переходить из одного в другое и обратно? Обсуди с ними местонахождение Книги, а я уж достану ее хоть откуда. Только не советую тебе подаваться в бега, я ведь немедленно займусь твоими родителями, – повысил голос вечник. Или вечница, пойдя разбери. Голос девчоночий, но интонации стальные.

– Я не знаю, могу ли переходить в другую реальность, – растерялась Лида.

– Ну так выясни это! Думаю, много времени тебе не понадобится, даже если придется отправляться за Книгой в прошлое. Но я добрый и даю тебе срок до конца лета. В ночь на первое сентября, в этот самый час я приду за Книгой, и горе тебе, если не вручишь ее мне прямо на пороге этого дома.

Лида убито молчала. Вечник даже счел нужным утешить ее:

– Ну-ну, девочка, не отчаивайся. На самом деле, ты должна быть мне благодарна.

– За что это? – скривилась Весна.

– А кто, по-твоему, приглядывал за тобой последние два года, когда кругом волками рыскали вечники, надеясь заполучить в свое распоряжение Наследницу? Ты ведь не думала, что это останется тайной в нашем мире? Многие мечтали заранее, еще до твоего восемнадцатилетия, приручить тебя, влюбить, расположить. Ну, или похитить, запугать, сломать, взять в плен близких. Твой рыжий дружок в одиночку тебя бы не защитил – у него нет ни одного из талантов Книги. А у меня есть, почти все. И сейчас в подземельях моего замка на далеком острове томятся десятки таких предприимчивых, но неосмотрительных вечноживущих. Мне же достались все их полувечники. Но теперь все, время пошло. И помни!

Рука с поднятым указательным пальцем энергично взметнулась вверх.

– Что? – онемевшими губами прошептала девушка.

– Я всегда рядом. Даже ближе, чем ты можешь подумать. Знаю наперечет всех, кто тебе дорог. Но ты никогда не узнаешь, кто я. Так что не теряй времени понапрасну.

Он развернулся и направил чужое вялое тело к входной двери.

– Стойте! – вскрикнула девушка. – Как мне вас называть?

– Зачем тебе это? – глянул вечник через плечо, покривил кровоточащие губы.

– Ну, вы мое имя знаете. Должна же и я знать, с кем имею дело. А то в следующий раз за Книгой явится кто-то другой, а я и отдам...

Сказала наобум, но пришелец задумался. Девушка с ужасом подумала, что провернуть подобный трюк может кто-то еще – и от души понадеялась, что все остальные охотники за ее способностями и впрямь пойманы. Палец вечника уперся в лоб и нарисовал там вроде круга, точно он наматывал на палец прядь волос – но у несчастной полувечницы челки не было. Получается, забылся на мгновение – Лиде стало немного легче при виде слабости врага.

– Да, это ты хорошо смекнула, – признал он. – Лучше перестраховаться. Настоящее имя не назову, но ты зови меня Диббук. Под этим именем я и приду за Книгой, запомни.

Сказал – и шагнул за дверь. Трижды проскрипели ступеньки невысокого порога. А затем обрушилась тишина.

Глава 5. Тайные козыри

Первую минуту Лида чувствовала только облегчение: опасный вечник ушел, родители в безопасности. Дыхание восстанавливалось, отступала постыдная дрожь в коленках. Впереди больше ста дней, чтобы как-то выкрутиться. Сто дней! Так мало! Нужно немедленно звонить Лазарю, рассказывать о том, что произошло, обдумывать план.

Слабыми пальцами она вытянула мобильник и тут же уронила его на дощатый пол. Аппарат бойко подпрыгнул, задняя панель и батарея отлетели. Лида с громким всхлипом рухнула на колени, сгребла все в подол халата, но чинить не стала, какая починка, когда руки ходят ходуном? Лучше побежит к Лазарю сама, быстрее получится, свой дом он ей во время дневной прогулки показал. Весна накинула куртку прямо на халат, голыми ногами впрыгнула в разношенные боты, в которых обычно мела двор и выносила мусор.

Выбежала за калитку, посмотрела направо, налево – и тихо охнула от нового приступа ужаса. В конце улицы под фонарем стоял Лазарь, он заботливо кутал в свою куртку и обнимал за поникшие плечи того, кого и сама Лида недавно приняла за девушку в беде. Прежде чем поняла... тут она бросилась к фонарю, отчаянно размахивая руками, потому что голос отказался служить. Подбежав, попыталась втиснуться между другом и врагом, даже толкнула профессора в грудь крепко сжатыми кулачками. Но Лазарь двумя пальцами левой руки ловко стреножил Лидины запястья и сказал:

– Все в порядке, Лидуся. Он ушел. Теперь это обычная девушка, у которой выдалась нелегкая ночь.

Весна на шаг отступила в сторону и внимательно оглядела с головы до пят «обычную девушку». М-да, выглядит еще хуже, чем пару минут назад. Трясется крупной дрожью и без поддержки давно бы рухнула. Взгляд пустой, струйка крови стекает по подбородку. Но чужак в захваченном теле и прежде очень правдоподобно изображал страх и растерянность.

– Уверен, что ушел? Стоп, да откуда ты вообще знаешь?..

– Подслушивал под окном кухни, которое ты так любезно распахнула, – ухмыльнулся рыжий гигант, ласково просияли его глаза. – Лида, я ждал подобного, и не собирался оставлять тебя без присмотра в первую же ночь твоего восемнадцатилетия. Да и не я один: Юрий Борисович и твой друг Алексей тоже не спят, инспектируют подходы к дому.

– За-чем?! – ахнула девушка.

– Слишком многие в курсе того, что сегодня был день твоей инициации. Ты официально стала вечницей, а, значит, и Наследницей. Но сейчас пойдём ко мне – беднягу нужно вывести из шока, согреть. И я позвоню Алексею и Юрию, скажу, чтобы отправлялись досыпать, ты до утра побудешь под моей защитой.

– А если это все еще?.. – Лида с отвращением покосилась на поникшую фигуру.

– Нет. Я позднее научу тебя различать.

– А я вообще ее знаю?

– Знаешь, и очень хорошо. Это Полина Юсупова, вы недолгое время учились в одном классе. – Тут Лазарь легко подхватил несчастную на руки, зашагал стремительно в сторону своего жилища, Весна потрусилась рядом. Она незаметно держалась за свитер друга, чтобы было не так тревожно. – Вы с ней не подруги, но многое пережили вместе. Хорошо, если ты будешь рядом, когда она начнет приходить в себя.

Временный дом Лазаря, одноэтажный, типовой, зато с прекрасным садом, был на соседней улице. Они прошли по дорожке между цветочными клумбами с одной стороны и машиной Лазаря под дощатым навесом с другой, по скрипучему порожку в три ступени поднялись на просторную веранду. Входная дверь стояла распахнутая настежь. Едва хозяин включил свет в

гостиной, как Лида с интересом завертела головой – вчера постеснялась попроситься в гости, а очень хотелось.

Здесь, в комнате с выкрашенными в фисташковый цвет стенами, каждая вещь была на своем месте – и ничего лишнего. Немного напоминало библиотеку: книги, в основном старые, потрепанные, лежали поодиночке и стопками на каждой горизонтальной поверхности. Разведены по углам два письменных стола, на обоих ноутбуки, рукописи и толстые папки. Между столами у окна разместился элегантный шахматный столик с расставленными фигурами, которые когда-то давно сошлись в схватке, но успели покрыться пылью за отсутствием игроков. Лида занервничала: создавалось стойкое впечатление, что здесь обитали два человека.

За проемом без двери просматривалась крохотная спальня, в которой высокая железная кровать с изголовьем, похожим на распущенный хвост павлина, занимала почти все место. Туда сразу и прошел Лазарь, распорядился на ходу:

– Располагайся, Лидуся. А я устрою Полину и напою ее чаем, потом мы обсудим случившееся. Хотя, если ты к тому времени заснешь на диване – даже лучше.

Спать Лиде совсем не хотелось, она представить не могла, что возбуждение, которое сотрясало сейчас ее тело, уляжется в ближайшие часы. Едва хозяин скрылся, она, заложив руки за спину, тщательно изучила глазами оба стола. На первом лежали тома по истории, некоторые из них девушка даже конспектировала во время семестра. Профессорские записи, сделанные стремительным четким почерком, планы лекций на английском. И стопки студенческих рефератов, и несколько сигнальных экземпляров новых книг профессора Гольдмана в броских суперобложках.

На другом столе книги были куда более древние, почти истлевшие, но тщательно сохраняемые. Тут лежала рукопись профессора, но буквы в ней странные, незнакомые, даже не буквы, а вписанные в круг значки, Весна и вглядываться не стала. Она уже разгадала, в чем тут секрет: за одним столом Лазарь трудился как историк и преподаватель, за вторым – как вечник. Пытается разгадать непостижимые тайны их вида, ищет способ встретиться с Анной и Маратом.

Вот и сам профессор неслышно возник рядом, ободряюще улыбнулся Лиде – она в ответ выдавила на лицо нечто жалкое, наверняка виноватое.

– Ну вот, Полина в относительном порядке, крепко спит, пока твое участие не пригодилось. Но теперь важно не пропустить момент пробуждения – девочка будет дезориентирована и напугана. Ее родителям я сообщил о случившемся, а твоих отчима и друга отправил по домам досыпать. Не думаю, что в эту ночь еще кто-то будет искать встречи с тобой, Лидуся. Тем более, если наш незримый приятель в самом деле подчистил ряды жаждущих общения вечников. И это для нас хорошо: разбираться с одним противником все же проще, чем с толпой.

Весна так не считала: коварный враг в чужом теле до чертиков пугал ее. Лазарь тем временем приготовил чай, прикатил с веранды, которая по совместительству оказалась кухней, стеклянный столик с сахарницей и конфетами. Лида машинально поднесла к губам чашку, глотнула слишком много, обожглась – вот тут слезы так и хлынули из глаз. Профессор мигом оказался рядом, опустился на корточки, чашку на всякий случай отобрал и отставил подальше.

– Все уже позади, милая. Главное, мы теперь в курсе, с кем имеем дело, а к подобному я давно был готов.

– Я не из-за этого, – жалобно икнула девушка. – Просто подумала: ну что же это такое? Неужели, чтобы быть свободной, нужно быть одинокой и никого не любить?

– Поясни, – слегка нахмурился Лазарь.

– Ну, не будь у меня родных и друзей, то есть вообще не за кого бояться, то я бы просто послала Диббука лесом, и пусть бы сам искал чертову Книгу талантов хоть в аду. Но он же сразу начал с угроз! Наверняка за эти два года успел разведать, где мое самое уязвимое место. И все, я у него в кулаке. Неужели свобода немыслима, пока мы кем-то дорожим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.